

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО "Восточно-Сибирская
государственная академия образования"

СИБИРЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научно-теоретической конференции,
посвященной памяти профессора В. И. Дулова

(26-27 марта 2010 г.)

Иркутск 2010

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования»

**СИБИРЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной
памяти профессора В.И. Дулова**

(26-27 марта 2010 г.)

Иркутск 2010

ББК 63.3 (5)
УДК 950
У 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «ВСГАО»

Ответственный редактор
Л.В. Занданова, профессор, д-р ист. наук

Редколлегия:

С.Л. Шахерова (ответственный редактор), канд. ист. наук, доцент, В.Н. Козюра, канд. ист. наук, доцент, А.В. Неклюдова, канд. ист. наук, доцент, А.Н. Макеев, канд. ист. наук, ст. преподаватель, К.А. Айдаров, ст. преподаватель

У 90

Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти профессора В.И. Дулова. – Иркутск: Изд-во Вост.- Сиб. гос. акад. образов. - 392 с.
ISBN 978-5-85827-583-1

Настоящий сборник включает в себя материалы всероссийской научно-теоретической конференции «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность», посвященной памяти профессора В.И. Дулова. В сборнике представлены доклады исследователей ряда гуманитарных центров Сибири, студентов, работников образования и школьников, в которых рассматриваются актуальные проблемы экономической и политической истории региона, социокультурных процессов в исторической ретроспективе, а также методика преподавания истории в вузах и общеобразовательной школе. Материалы предназначены преподавателям вузов, учителям школ, аспирантам и всем, кто интересуется историей Сибирского региона.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-85827-583-1

© ГОУ ВПО «Восточно-Сибирская
Государственная академия образования»,
2010

необходимость. Идеи форума по-прежнему актуальны и способствуют более полной социализации, искреннему единению молодых людей. Фестивальное движение неприемлемо без участия в нем представителей молодежных организаций, религиозных и государственных структур. Представляется, что будущие молодежные слеты стран АТР непременно используют длительный и, в целом позитивный опыт международных контактов, накопленный его предшественниками.

1. Региональная встреча молодежи стран Азии и Океании. – Улан-Батор: Госиздат МНР, 1985, с.5
2. Официальный сайт правительства Республики Тыва
<http://gov.tuva.ru/index.php?newsid=1934>

Секция 6. Городу Иркутску – 350 лет.

А.В. Дулов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАННЕГО ИРКУТСКА

Как представляется автору данной публикации, в настоящее время, несмотря на обилие публикаций об Иркутске XVII - первой половины XVIII вв., существует целый ряд явно ошибочных представлений, которые требуют серьезного анализа.

В 1989 г. Н.М. Полунина впервые опубликовала выдержки из труда А.И. Лосева «Обозрение разных происшествий, до истории древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших...», составленное видным архитектором, землемером и краеведом Иркутска. В нем А.И. Лосев писал, что Иркутск основан в 1620 г. Н.М.Полунина считает такую дату, отодвигающую основание города на 41 год, вполне достоверной, хотя не приводит никаких серьезных аргументов в ее пользу. В 1996 г. В.П. Шахеров опубликовал работу Лосева полностью в сборнике «Летопись города Иркутска XVII – XIX вв.». Полунина продолжает активно пропагандировать лосевскую датировку основания Иркутска. В II Шахеров оценивает дату А.И. Лосева более осторожно, заявляя в монографии «Иркутск в панораме веков», что эта дата вызывает сомнения (с.14), зато в другой статье, вошедшей в книгу «Иркутск: события, люди, памятники», пишет, что «просто отмахнуться» от свидетельств Лосева (могли, кстати, Лосев быть свидетелем событий 1620 года?) «невозможно» [1]. Оба автора не обращают внимания на целый ряд вопросов, которые вызывает эта странная дата и которые уже были высказаны автором данной публикации в 1997 г. [2]. Поэтому приходится привести аргументы, которые доказывают явную ошибочность датировки А.И. Лосева.

Во-первых, если допустить, что Иркутск основан в 1620 г., то окажется, что ближайшим русским населенным пунктом для него был Енисейск, возникший лишь годом раньше. Каким же образом русские люди могли через год после основания Енисейска проплыть полторы тысячи километров вверх по течению Енисея и весьма быстрой Ангары, миновать опасные Братские пороги, рядом с которыми жили не очень склонные к «гостеприимству» буряты?

Во-вторых, А.И. Лосев называет и основателей «зимовья»: енисейского пятидесятника Березовского и сына боярского Тальшина. Поэтому возникает естественный вопрос: почему беглые люди (а только такие могли жить вдали от русских властей и не быть зафиксированными ни в каких документах) именуется пятидесятником и сыном боярским?

В-третьих, кому сдавали пушнину жившие вокруг Иркутска люди, которых А.И. Лосев называет «зверопромышленниками»? Бурятам, тунгусам, гувинцам?

В-четвертых, как жилось «основателям зимовья» на затопляемом месте? Ведь место по левому берегу Иркуты, «выше устья на версту» (указание А.И. Лосева) находится против острова Дьячего, метрах в двухстах ниже нынешнего автодорожного моста. О неблагоприятных условиях этого места свидетельствует и современная географическая литература, и то обстоятельство, что ни на одной из карт XVII - первой половины XX вв. здесь не показано строений. Нет там построек и в настоящее время.

В-пятых, текст Лосева содержит явные ошибки. Так, он пишет, что в 1661 г. Похабов построил «город Иркутск», что в Вознесенском монастыре в 1650 г. существовали уже три церкви, хотя точно известно, что монастырь возник лишь в 1672 г. Березовский и Тальшин, якобы основавшие зимовье, фигурируют в «Иркутской летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова в событиях 1695-1696 гг. (с.7, 372, 373).

И, наконец, в-шестых, в своем донесении енисейскому воеводе от 6 июля 1661 г. Я. Похабов, сообщая о начале строительства Иркутского острога, ни слова не говорит о том, что рядом были какие-то русские поселения. А он, конечно, обязан был это сделать, если бы обнаружил следы русских людей или зимовья.

Считаю, что А.И. Лосев доверился какой-то местной легенде и поэтому дал «оригинальную датировку», явно не соответствующую историческим реалиям. А.И. Лосева простить можно: этот талантливый человек не имел исторического образования. Оправдывать же исследователей XXI в., не способных критически подойти к необоснованному выводу, не берусь.

Полагаю, что не существовало постоянного зимовья и на острове Дьячем, основание которого датируют 1652 или 1656 гг. Ведь если бы оно существовало, Я. Похабов об этом должен был доложить. При раскопках на острове в 1920 г. были обнаружены канавы и венцы старинной избы, но эти находки не датированы. Остров Дьячий затоплялся во время весенних половодий, и постоянным жителям пришлось бы терпеть немалые

затруднения. Но временные русские поселения на этом острове, вероятно, могли существовать в 1650-х гг.

Требуется уточнения время пребывания в Иркутске первого воеводы, И.Е. Власова. В летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова говорится, что первый воевода «определен» в Иркутск в 1682 г., а переведен в Нерчинск указом от 17 февраля 1683 г. (с.5). Т.е., получается, что уездом он управлял лишь год или даже меньше. В крупной монографии Ф.А. Кудрявцева и Г.А. Вендриха повторяется дата назначения Власова – 1682 г. [3]. В недавно изданной коллективной монографии «Иркутск в панораме веков» читаем, что в 1682 г. «Иркутск стал центром самостоятельного уезда и из Москвы прибыл первый воевода...» (с.33). Но на с.38 сказано, что в феврале 1680 г. И.Е. Власова назначили воеводой в Иркутск, куда он приехал только в 1682 г. Биографию первого иркутского воеводы проследил по архивным материалам А.К. Трошин в небольшой книжечке «Иван Евстафьевич Власов» (М., 1963). Опираясь на документы, А.К. Трошин считает, что Власов направлен в Иркутск в феврале 1680 г., приехал туда в начале 1681 г., а в Нерчинск переводится в феврале 1684 г. Таким образом, Иркутском и уездом он управлял целых три года, а не год или еще меньше, что следует из «Иркутской летописи».

Запутан и не рассмотрен по существу вопрос о времени учреждения Иркутской провинции. В основном варианте летописи П.Г. Пежемского и В.А. Кротова этот факт относят к 1719 г., когда была учреждена и Сибирская губерния (с.17). В приложениях к этому изданию говорится, что в Баснинской летописи учреждение провинции отнесено к 1721 г., так же, как и организация нижнего земского суда (с.380). Ф.А. Кудрявцев и Г.А. Вендрик в своей монографии, соглашаясь с датировкой Пежемского и Кротова, добавляя, что в том же 1719 г. провинцию возглавил вице-губернатор. В XXI в. появляются новые датировки: Н.Г. Бубис считает, что Иркутская провинция образована в 1731 г. [4], а в коллективной монографии «Иркутск в панораме веков» утверждается, что это произошло в конце 1724 г., и что провинцию возглавил вице-губернатор (с.57).

Точно определить дату учреждения провинции дают возможность следующие аргументы и факты. В одном из документов Сената, относящихся к 1726 г., говорится, что в 1719 г. «в губерниях и провинциях определены для надзирания сборов камериры, а для приему и расходу денежной казны рентмейстеры» [5]. Кроме того, известно, что в провинциях были образованы рентерей-казначейства [6] и нижние надворные суды [7]. Эти обстоятельства дают возможность уверенно датировать время учреждения провинции. В летописи Пежемского и Кротова говорится: «1721 г. Учреждена и открыта в Иркутске земская контора и рентария, в которую первые определены были на службу из дворян комиссары: камерир Осип Игнатьев и рекетмейстер Иван Лывцов» (С.20). А на следующей странице читаем: «1722 г. Учрежден в Иркутске нижний надворный суд».

Ю.П. Колмаков в своей «Летописи...», основанной в значительной степени на архивных документах, делает вывод: «1721 год. Для наблюдения за личной и духовной жизнью епархиальных архиереев учреждена должность провинциал-инквизитора с большими полномочиями», и на той же странице пишет, что в конце 1724 г. Сенат утвердил границы Иркутской губернии (с.22).

Поскольку провинциальные органы в Иркутске, по летописи Пежемского и Кротова, а также баснинской летописи, появились в Иркутске в 1721 г., а также должность провинциал-инквизитора (данные Ю.П. Колмакова), то напрашивается вполне естественный вывод: Иркутская провинция образована в 1721 г.

Думается, что всего точнее факты, связанные с учреждением провинции передает опубликованная Н.В. Куликаускене «Летопись Иркутска 1717-1755». В ней говорится: «1721. В Иркутске по силе присланного указа учинена земская контора и рентерея, в кои первые выбраны из дворян и детей боярских камерир Осип Игнатьев, рентмейстер Иван Ловцов... В Иркутске учрежден нижний надворный суд. Первый был судья из иркутских дворян Василий Шишелов.

В феврале месяце прибыл по указу в Иркутск из Тобольска стольник и воевода Иван Полуектов и прежнего коменданта Ракитина сменил и велено быть в Иркутске провинции, коей и подчинены города Якутск, Нерчинск и Илимск, и был оной Полуектов воеводою 1724 года по октябрь месяц. В казенных сборах был радетелен, а к канцелярским делам не весьма заобычен и нравом вспыльчив» [8].

Таким образом, следует считать, что Иркутская провинция реально образована в феврале 1721 г., и управлял ею не вице-губернатор, а воевода. По-видимому, установление границ провинции было поручено лицам, возглавлявшим Енисейскую и Иркутскую провинцию (таким же образом, по указу 1764 г. определять границы Тобольской и Иркутской губерний было поручено двум губернаторам). А в конце 1724 г. Сенат утвердил границы новых провинций.

Что же касается года, когда провинцию возглавил вице-губернатор, то об этом совершенно обоснованно говорится в книге об истории Иркутска, написанной Ф.А. Кудрявцевым и Г.А. Вендрихом: «В 1731 году Сенат представил императрице Анне Иоанновне доклад, где было сказано: «Понеже Иркутская провинция пограничная, и как для управления таможенных дел и сборов, так и для содержания учиненного с китайским двором трактата границ и порядочной корреспонденции вице-губернатору быть нужно. Того ради в Сенате определен в ту провинцию вице-губернатором статский советник Андрей Жолобов» (с.57-58).

А в 1736 г. (здесь никаких разногласий нет), Иркутская провинция была подчинена не сибирскому губернатору, а непосредственно Сибирскому приказу.

В публикациях по истории города нередко дается явно ошибочная дата возникновения герба г. Иркутска. В «Иркутской летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова на шестой странице говорится: «1690 г. февраля 18 Иркутск получил из Сибирского приказа герб и печать». К сожалению, до сих пор некоторые историки ссылаются на эту фразу, полагая ее истинной. Так, в коллективной монографии «Иркутск в панораме веков...» читаем даже: «Герб Иркутска был высочайше утвержден указом 18 февраля 1690 г.» (с.34). В данном случае не только повторены неверные указания летописцев, но и сделаны новые ошибки. Во-первых, в 1690 г. формула «высочайше утвержден» еще не употреблялась, она стала использоваться лишь после того, когда Россия была провозглашена империей, т.е. после 1721 г. Во-вторых, если в летописи сказано, что 18 февраля Иркутск получил герб и печать, то создатели «Панорамы» утверждают, что 18 февраля был подписан указ (в Москве).

Кроме того, в самой цитате из летописи содержатся две ошибки. «Описание Иркутского наместничества 1792 г.» и «Обозрение разных происшествий...» А.И. Лосева свидетельствуют о том, что печать была первоначально прислана из Сибирского приказа в 1694 г., а вторично - 18 февраля 1696 г. В «Описании Иркутского наместничества» сказано, что в 1694 г. получен в Иркутске герб, а в «Обозрении разных происшествий...», что получена только печать [9].

Последнее утверждение более точно. В своем труде «Русская геральдика» А.Б. Лакиер приводит перечень гербов, утвержденных императором в 1729 г. Там перечислены и гербы, утвержденные ранее, в том числе - нескольких сибирских городов. Но герба Иркутска там нет.

По-видимому, первое изображение герба Иркутска появилось лишь после того, как город стал центром губернии. Во всяком случае, изображения герба более раннего времени не выявлены. Имеются печати Иркутска 1711 и 1743 гг. На первой из них надпись «Бабр». На второй - в центре «Бабр», а по краям: «Императорского величества Сибирской губернии города Иркутска печать». И лишь на плане Иркутска, составленном капитаном Татариновым в 1768 г., имеется рисунок, над которым надпись: «Герб Иркутской». Этот герб, по-видимому, был нарисован местным художником, и основой его была печать 1743 г.

В «Полном собрании законов Российской империи» о гербах Иркутской губернии впервые говорится в законе №14598 от 13 марта 1777 г. Там говорится, что Сенатом «новым городам были сделаны гербы», и называются Усть-Киренск, Балаганск и «на реке Алдан». Раз среди гербов не упоминается герб Иркутска, значит, он уже существовал, и не было необходимости его «делать». 26 октября 1790 г. был принят «Высочайше утвержденный доклад Сената - О гербах городов Иркутского наместничества» (ПСЗ, т.23, №16913). В нем указано, что города «должны иметь гербы, которые утверждены Императорским Величеством». Поэтому Герольдия, собрав объявленным городам (в числе которых и Иркутск - А.Д.)

старые гербы, а тем городам, которых их не имеют - новые, представляет их на конфирмацию императрице. Так Иркутск получил утвержденный Екатериной II герб. В этом законе четко сказано, что герб Иркутска конфирмуется Екатериной II именно из-за того, что гербы должны быть утверждены «Императорским Величеством». Следовательно, закон еще раз подтверждает тот факт, что никто из монархов герб Иркутска до этого не утверждал. Кстати, возникает еще один вопрос. В 1690 г. на престоле российском сидели два императора: Петр и Иван. Интересно, кто из них мог «высочайше» подписать указ о гербе Иркутска?

Скорее всего, герб города стал впервые использоваться после учреждения Иркутской губернии. Ее первый губернатор К.Л. фон Фрауендорф, приехав в Иркутск в 1765 г., сразу же развернул энергичную деятельность, в том числе и по благоустройству Иркутска. По указанию губернатора был составлен план Иркутска 1768 г., на котором впервые появилось изображение, названное «герб Иркутской». Скорее всего, Фрауендорф все же неофициально, быть может, даже устно, согласовал рисунок герба с кем-нибудь из крупных чиновников, тем более, что герб развивал тему прежних печатей города, что было в обычаях того времени.

1. Иркутск: события, люди, памятники. - Иркутск, 2006. - С.11.
2. Дулов А.В. Надо ли «удревнять» историю Иркутска? // Первые Романовские чтения. -Иркутск, 1997. - С.37-40.
3. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. - Иркутск, 198. - С.17.
4. Иркутск: события, люди, памятники. - С.27.
5. Готье Ю. История областного управления в России от Петра I, до Екатерины II . - Т.1.-М., 1913. - С.21.
6. Исаев И.А. История государства и права России. - М., 1996. – С.142.
7. История государства и права СССР. - Ч.1.- М., 1972. – С.332.
8. Летопись города Иркутска XVII-XVIII вв. - Иркутск, 1996. – С..93.
9. Описание Иркутского наместничества 1792 г. - Новосибирск, 1988. - С.62-63; Летопись города Иркутска XVII-XVIII вв. – С.160-161.

А.С. Дикун

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ДИНАСТИИ СИБИРЯКОВЫХ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА

В XVIII – середине XIX вв. происходит формирование торгово-промышленного сословия Сибири и накопление капитала на основе традиционных принципов: отсутствия конкуренции, монополизации, следования потребностям государства. Наряду с формированием экономической основы существования династии, происходило установление жизненного уклада, в основе которого лежало неукоснительное следование религиозным традициям.